https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-2-202-226

Христианские святые в броне и с парамерием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (2). Вооружённые угодники и страстотерпцы

Е. Г. Маргарян
Российско-Армянский университет
Ереван, Армения
ervand.margaryan@rau.am

Для цитирования:
Маргарян Е. Г. Христианские святые в броне и с парамерием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (2). Вооружённые угодники и страстотерпцы // Визуальная теология. 2022. Т. 4. № 2. С. 202–226. https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-2-202-226

Аннотация. Это вторая статья из серии, посвящённой каноническому образу святых-порубежников в раннехристианской, ранневизантийской, поздневизантийской и поствизантийской иконографии. Наиболее репрезентативными и своеобычными иконографическими образами, с точки зрения христианской теологии, являются лики воинов-исповедников, ставших жертвами гонений и подвергшихся мучительной смерти в эпоху раннего христианства. Их образ концептуально отличается от бескровных ликов отшельников: воины Христа обретались в гуще людской массы, передислоцируясь с места на место, хорошо знали окружающий мир. С виду они ничем не отличались от остальных военнослужащих, потому на фресках, иконах и барельефах изображались телесно крепкими, ухоженными, твёрдыми в своих намерениях мужами, с благородными чертами лица, облачёнными в красивые одежды и дорогие доспехи. Иконописцы словно намеренно стремились подчеркнуть телесность их образа и тесную связь с бренным бытием этого мира. Однако когда вставала дилемма выбора между мучительной исповеднической смертью и отказом от веры ради сохранения жизни или высокого социального положения, жизнелюбие этих знатных молодых людей не препятствовало им сделать выбор в пользу бессмертия души, поступиться ценностями дольнего мира ради славы Горнего престола. Со временем произошла трансформация образа воинов-исповедников: из жертв перманентных гонений, религиозной нетерпимости и произвола римских властей они превратились в воплощённых воинов Христа, защитников веры, пополнивших ряды Небесного воинства под командованием Архистратига Михаила. Этим объясняется иконографическое сходство образов земных воинов-христиан и воинства небесного.

Ключевые слова: ранние христиане, византийская иконография, воины-исповедники, оружие, доспехи, боевой конь, иконическая символика.

Финансирование: статья подготовлена при поддержке Комитета по науке Республики Армения, проект № 21AG-6C041.

© Маргарян Е. Г., 2022

Christian saints in armor and with a naked paramerium: the image of a warrior-confessor in Byzantine iconography (2). Armed God-pleasers and passion-bearers

Yervand G. Margaryan
Russian-Armenian University
Yerevan, Armenia
ervand.margaryan@rau.am

For citation:
Margaryan Ye. G. Christian saints in armor and with a naked paramerium: the image of a warrior-confessor in Byzantine iconography (2). Armed God-pleasers and passion-bearers. *Journal of Visual Theology*. 2022. Vol. 4. 2. Pp. 202–226. https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-2-202-226

Abstract. This is the second article in a series devoted to the canonical image of the armed saints in Early Christian, Early Byzantine, Late Byzantine and post-Byzantine iconography. The most representative and distinctive iconographic images, from the point of view of Christian theology, are the faces of soldiers-confessors who became victims of persecution and suffered a painful death in the era of early Christianity. Their image is conceptually different from the bloodless faces of hermits: the soldiers of Christ were among people, relocating from place to place, they knew the world around them well. In appearance, they were not different from the rest of the military, because on frescoes, icons and bas-reliefs they were depicted as physically strong, well-groomed, firm in their intentions men, with noble facial features, dressed in beautiful clothes and having expensive armor. The icon painters seemed to deliberately seek to emphasize the physicality of their image and the close connection with the mortal existence of this world. However, when the dilemma of choosing between a painful confessional death and renunciation of faith for the sake of preserving life or a high social position arose, the love of life of these noble young people did not prevent them from making a choice in favor of the immortality of the soul, to sacrifice the values of the world below for the glory of the throne Above. Over time, the image of soldiers-confessors was transformed: from victims of permanent persecution, religious intolerance and arbitrariness of the Roman authorities, they turned into incarnate soldiers of Christ, defenders of the faith, who joined the ranks of the Heavenly host under the command of Archangel Michael. This explains the iconographic similarity of the images of the earthly Christian warriors and the Heavenly Host.

Keywords: early Christians, Byzantine iconography, warriors confessors, weapons, armor, war horse, iconic symbolism.

Funding: the research was supported by the Science Committee of the Republic of Armenia, project No. 21AG-6C041.

> Язык иконы – это то же, что грамота. Ребёнка учат сначала писать отдельные буквы, потом дают списывать с книги, далее – писать изложение и, наконец, сочинение. Так и в иконописи есть своя грамота, своя школа, своя последовательность работы, через которые ученику даются особые знания, особая подготовка и особое воспитание. Программа и постепенность обучения также традиционны и проверены опытом многих поколений.
>
> Монахиня Иулиания (М. Н. Соколова)

Христианский святой с восточной саблей в руке

Как было отмечено в предыдущей нашей статье [Маргарян 2022], первые воины-христиане в Римской империи появились именно в Приевфратском лимесе. Неспокойное пограничное бытование, постоянное лавирование на грани жизни и смерти отшелушивали всё наносное, устаревшее, бесполезное, прививали гибкость мышления, подталкивая людей к смелым нестандартным решениям и поступкам. Эти качества порубежников позволяли им не колеблясь отказываться от старых, анахроничных религиозных парадигм и усваивать новые, более прогрессивные формы религиозного бытия. Не удивительно, что именно приевфратский римленд стал бродильней для различных новых религиозных идей. Именно здесь формировались имперские, милитаристские и откровенно мистические исповедания, вроде митраизма или культа фригийского бога Сабазия. Чуть позже в гарнизонной среде стало распространяться христианство, которое генерировалось в условиях жёсткой конкуренции с другими религиозными учениями. Для того, чтобы преуспеть в битве за души суровых пограничников, нужны были проповедники нового типа – не интеллигентствующие богословы, запутавшиеся в бесконечных теологических препирательствах, не исступлённые скитники, истязающие свою плоть, или лютые мракобесы-парабаланы, готовые истребить всё, что связывает день вчерашний с днём сегодняшним. Для проведения миссионерской деятельности среди порубежников необходимо было привлекать выходцев непосредственно из воинской среды, умных, цельных и добронравных. Так появились первые солдаты-проповедники и, как неизбежное следствие,– первые солдаты-исповедники. Появление нового типа святого – воина-мученика – предполагало и появление новой, характерной для данного типа святого иконографии.

Иконы воинов-исповедников, которые были канонизированы позже остальных святых, и их символический облик отличаются от того, что мы видим на иконах, изображающих апостолов, библейских пророков, скитников, столпников и учёных-богословов. Воины-христиане жили в гуще людей, командовали воинскими подразделениями, обладали командирской харизмой, пользовались большим авторитетом среди подчинённых и штатских, понимали психологию выходцев из разных этнических групп и социальных страт, ведь им приходилось работать с самым разношёрстным воинским контингентом и местными гражданскими властями. Не удивительно, что именно они больше остальных преуспели в проповеди нового религиозного учения, особенно среди мужчин. Они не могли, да и не хотели отстраняться от мирской суетной жизни и старались совмещать служение империи со служением Господу – так, чтобы одно не мешало другому.

Ещё одной характерной особенностью воинов-исповедников было то, что совершаемые ими христианские подвиги были под стать подвигам ратным и кардинально отличались от деяний других раннехристианских святых. Если скитники, стилиты, трихинасы и богословы добровольно избрали долгий путь лишений и умерщвления плоти, то воины-христиане проявили свою преданность Богу единовременными героическими поступками и добровольной мучительной смертью. Все они пали не в бою, а претерпели казнь от собственных властей – непосредственных командиров, местных высокопоставленных чиновников, а то и самих царей, понуждающих христолюбивых воинов отказаться от веры истинной и вернуться к идолопоклонству. Никто из этих воинов-христиан прежде не стремился возложить на себя венец мученика, не искал скорбей и лишений и предпочитал строгой аскезе обычную жизнь в миру. Но когда настало время выбора между присягой на верность императору и обетом, данным Богу, воины-христиане не колеблясь выбирали венец страстотерпца, ибо служение Царствию Горнему превыше служения царю земному.

Воинское облачение на иконах, фресках и барельефах

Своим образом жизни воины-христиане значительно отличались от остальных христиан раннего периода. Поэтому закономерен и особый собирательный образ благочестивых порубежников, столь отличный от ликов остальных святых. На иконографических изображениях мы видим вооружённых острым оружием и закованных в броню суровых солдат с немалым боевым опытом, привыкших командовать крупными воинскими формированиями. На их лицах мы не видим отрешённости, взор их не затуманен поволокой из-за длительных постов и бдений, члены полны сил, тело не истерзано ношением вретища и вериг. Это статные, краснощёкие, загорелые бойцы с благообразными лицами, точёными чертами и гордой посадкой головы. Они облачены в яркие, скроенные по последней моде одежды и ладно прилаженный доспех (ил. 1). Сдвоенная бородка, завитые локоны (ил. 2), заботливо уложенные волосы (ил. 3), начищенный ламеллярный доспех[1] и сверкающий шлем – вот отличительные черты воинов-исповедников, смотрящих на нас с древних и современных икон. Чем-то эти изображения напоминают придворные портреты эпохи испанских Габсбургов (ил. 4).

Кроме чешуйчатой брони, состоящей из небольших металлических колец или пластинок (ил. 5, 6), на фресках и иконах можно увидеть другие, более лёгкие средства защиты – поддоспешник и куртку из толстой кожи. Доспех на иконах угодников Божиих символизирует благодать, защищающую воинов Небесного Царя от невидимых врагов.

Если порубежники изображались в рост, то на ногах у них можно увидеть *штаны*, *ноговицы* и *кампаги* (campagi militares) – обувь римских и византийских

[1] От лат. *lamella* – пластинка, чешуйка. Ламелляр обычно существовал либо в виде корсета-кирасы, часто с длинным подолом, играющим роль набедренников, либо в форме ламеллярного халата длиной до колен, с разрезами спереди и сзади; в обоих случаях он, как правило, дополнялся оплечьями в виде листов ламеллярного полотна, иногда – защитой шеи и паха (ил. 5). Размер пластин ламелляра мог быть самым различным, от очень мелких, полотно из которых по пластичности приближалось к кольчатому, и до крупных, длиной почти с ладонь взрослого человека, которые составляли сравнительно малоподвижный, но крепкий доспех.

воинов, напоминающую сапоги с широкими мягкими голенищами [Smith 1890, 350], короткий хитон – *тельник*, надеваемый под латы или кольчугу, и шейный платок – *фокале* (ил. 7). Значение последнего аксессуара было сугубо прикладным: им защищались от холода и ветра, а также краёв доспехов, натирающих или саднящих шею во время долгого ношения панциря. В левой руке многих воинов имеются небольшие, круглые, а иногда вогнутые треугольные или прямоугольные щиты (ил. 7, 8) с затейливо отчеканенным и раскрашенным узором. Кроме символического значения, рисунок на щите имел прикладную функцию: считалось, что переливчатый или линейно-геометрический орнамент отвлекает внимание противника во время боя, особенно на солнце от него рябит в глазах. Но на фресках большинство щитов показано с внутренней стороны.

В основном воины-исповедники изображены с непокрытой головой, но встречаются и изображения либо с парадными шеломами на голове (ил. 7), либо лёгкими, цельнокованными компактными шишаками (ил. 5), либо наглавиями полусферической формы, откинутыми, ради удобства, на плечи и свисающие на расслабленных подвязках. Воины-порубежники в основном изображались в восточных шлемах, форма которых была заимствована у парфянско-армянских кавалеристов-катафрактариев; такие шлемы иногда назывались скифскими или фригийскими. У каждого знатного воина на плечах непременно имелся длинный багряный плащ – *хламида* или, на латыни,– *лацерна*, крепящаяся *фибулой* (также называемой запоной или аграфом) – застёжкой, украшенной орнаментом и драгоценными камнями. Увидев на плаще воина фибулу, каждый понимал, что её обладатель служит царю. На иконах эта небольшая, но важная деталь также символизирует службу, несомую ради Царя Небесного, и принадлежность мучеников и других угодников Божиих к небесному воинству.

Как и положено победоносным ратникам, призванным разить врагов истинной веры, святые воины на иконах имеют грозное оружие. Одни вооружены обоюдоострым римским мечом *спатой*, предназначенным для рукопашного боя в плотном строю; в основном это оружие из экипировки командиров римской или византийской инфантерии. Другие святые воины вооружены удлинённым кривоклинковым рубящим оружием, особенно эффективным во время конных атак. Кавалеристы также использовали длинные лёгкие пики с узкими навершиями, часто встречаемые на изображениях воинов исповедников. Нередко в руках или за спиной у святых воинов можно увидеть лук или расчехлённый колчан, из которого выглядывают стрелы.

Крепость тела святых воинов

Воины-исповедники представлены статными, осанистыми и крепкими телом, с сильными членами и подчёркнуто маскулинной внешностью. Это не просто дань реализму. Реализм в иконописании никогда не был самоцелью. Как уже отмечалось, узнавание святого через характерные черты, антураж и аксессуары было обязательным условием, но не менее важным было отобразить на иконе символический смысл его облика и те посылы, которые он в себе несёт. Не следует забывать, что изображения святых исповедников в основном были условными, иконописцы не могли видеть реальных прототипов, так как жили спустя несколько столетий после их кончины.

Традиционно в христианстве принято рассматривать тело человеческое и тело Христово в разных дискурсах. Тело падшего человека часто символизирует вместилище греха. Тело Господне подразумевает Божественное воплощённое тело Сына. В Ветхом Завете говорится о торжестве правоверных израильтян, которое наступит благодаря покровительству Бога, «ибо Он покроет их десницею и защитит их мышцею» (Прем 5:16). «Мышца» и «десница» – обычные в Библии символы покровительства и защиты (Пс 17:36, Пс 62:9). В Новом Завете уста Иисуса описываются как обоюдоострый меч (Откр 1:16), которым Он «поразит народы» в последние времена (Откр 19:15). Вместе с тем, «Тело Господне» – это духовно-образное «Тело Христа», символическая «Церковь». Однако Церковь существует не сама по себе: это прежде всего Собрание, духовное единение праведных людей, вкушающих «Божий Хлеб и Вино». Так, у апостола Павла читаем: «Вы – тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор 12:27). Поэтому каждый в отдельности член церковной общины – член Тела Христова. Здоровое, крепкое тело символизирует здоровье и духовную силу общины. Что касается праведников и исповедников, то их тела преобразятся. Как видно из слов апостола, тела праведников будут нетленными и бессмертными: «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему – облечься в бессмертие» (1 Кор 15:53). Что касается воинов-страстотерпцев, то им предстоит великая битва на исходе времён.

Символическое значение оружия и воинского доспеха на иконах, фресках и барельефах

Хотя всё изображённое на иконе имеет исторический прообраз и оружие воинов-христиан на иконах представляет безусловный интерес для военных историков, тем не менее не стоит рассматривать икону как энциклопедическую иллюстрацию средневекового оружия. Не для того писались иконы. Запечатлённое на иконе, помимо профанного, видимого значения, наделялось сакральным смыслом. Привычные предметы, оказавшись в иконописном пространстве, словно в ином измерении, непременно преображаются, внешнее сходство с изображаемым предметом отходит на второй план и становится вторичным, уступая место символическому смыслу. Хотя узнаваемость предмета (хитон, доспех, щит, копьё, шлем) в иконе всегда остаётся необходимым условием восприятия, гораздо важнее заложенный в изображение сокровенный смысл. О символическом значении военных облачений говорится ещё в Ветхом Завете: «Он возложил на себя правду как броню, и шлем спасения на главу Свою, и облёкся в ризу мщения, и покрыл Себя ревностию, как плащом» (Ис 59:17); «Вступись, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною. Возьми щит и латы и восстань на помощь мне; обнажи меч, и прегради путь преследующим меня» (Пс 34:1–3). В Новом Завете эта символика практически теряет воинский оттенок: «Мы же, будучи сынами света, трезвимся, облёкшись в броню веры и любви и в шлем надежды и спасения» (1 Фес 5:8),

Символическое значение меча разящего

Меч и другие виды колющего и рубящего оружия символизируют слово Божие, разящее язычников и нечестивцев, особенно язычествующих философов и провластных интеллектуалов, которых Господь сразит *мечом уст Его* (Откр 1:16).

Слово Божье, подобно мечу, проникает в жизнь человека. Исаия пророчествует, что уста раба Господня будут «как острый меч» (Ис 49:2). «Меч» в данном контексте понимается как изобличительная Правда, Истинное Слово Бога, переданное устами Патриархов, Пророков и Апостолов. В Послании к Евреям Слово Божье также сравнивается с мечом: «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, членов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр 4:12). Это Слово повергает всякое противление Божьим заповедям, сметает всякое извращение Божьей Воли, вскрывает ложность губительных ересей и догм (ил. 9, 10).

Метаемые издалека стрелы, дротики и камни подобны эпистолам, разящим нечестивцев и наставляющим на расстоянии заблудших и колеблющихся. В христианское богословие этот образ проник из послания к Ефесянам апостола Павла, который, описывая верующих, борющихся с силами ада, призывает их: «Облекитесь во всеоружие Божие <…>. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облёкшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир, а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскалённые стрелы лукавого, и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф 6:13–17)[2]. Здесь меч представляет собой символ Божественной власти и высшей справедливости, разделения и смерти, кары Господней [Крутова 2007, 55]. «Мечом духовным» после раскола времени патриарха Никона стали именовать себя старообрядцы [см.: Лазарь 1666].

Меч также является метафорой Божьего суда [Райкен и др. 2005; Comfort, Elwell 2014]. Псалмопевец грозит: «Если кто не обращается, Он изощряет Свой меч» (Пс 7:13). Божий суд в Писании и вовсе назван «мечом Господа». Когда в день отмщения Божий гнев вырвется наружу, по словам Исаии, «меч Господа наполнится кровию» (Ис 34:6). Иеремия в своём устрашающем описании Божьего суда вещает: «Меч Господа пожирает всё от одного края земли до другого: нет мира ни для какой плоти» (Иер 12:12).

Меч, способный ранить, травмировать, означает всё, что уязвляет, наносит раны, в том числе и душевные. Так, автор псалма говорит о своих недругах, «у которых язык – острый меч» (Пс 56:5), а в Притчах сказано: «Иной пустослов уязвляет как мечем» (Притч 12:18). Лжесвидетельство подобно мечу, потому что может нанести непоправимый урон (Притч 25:18). У тех, кто угнетает бедных для собственной выгоды, зубы подобны мечам (Притч 30:14).

В Евангелии от Матфея встречаем уже совсем другую коннотацию: «не мир пришёл Я принести, но меч» (Мф 10:34). Слова Христа здесь означают, что вера в Спасителя не является гарантией тихой, беззаботной жизни, она не обещает уютной, размеренной повседневности в кругу семьи и близких. Отнюдь, христианство – это беспокойство духа и богоискательство. Не клан, род, семья, государство отныне являются наивысшей ценностью для христианина, а братство во Христе, община единоверцев в широком смысле этого слова.

[2] Различные толкования этого пассажа см.: Лопухин 2010.

Ил. 1. Святые воины. Фреска монастыря Манасия, Сербия, XV в.
Источник: Джурич 2000, 297

Ил. 2. Св. Феодор Стратилат (слева) и Св. Феодор Тирон (справа). Фреска.
Афон, Протат. Мануил Панселин, 1290–1310.
Источник: https://historicaldis.ru/blog/43826515054/Vizantiyskoe-oruzhie-i-dospehi-na-izobrazitelnyih-istochnikah?amp&amp& domain=mirtesen.ru& paid=1& pad=1

Ил. 3 (слева). Святой Меркурий. Фреска. Охрид, 1295.
Источник: https://www.greekmos.ru/st_merkury_kesariyskiy/
Ил. 4 (справа). Хуан Пантоха де ла Крус. Император Карл V. 1605. Источник: https://u.to/Bi1mHA

Ил. 5 (слева). Иисус Навин в образе византийского воина в ламеллярном доспехе.
Фреска из монастыря Св. Луки в Беотии. X в. Источник: https://vk.com/wall-167235104_48339
Ил. 6 (справа). Современная авторская реконструкция византийского доспеха
кливанион или *клибанион* (греч. κλιβάνιον)[3].
Источник: https://www.artstation.com/artwork/qNqmy

[3] Согласно традиции, название происходит от греческого κλίβανος, что означает «печь», так как в южных широтах эта кираса имела свойство раскаляться при ношении на солнце.

Ил. 7. Свв. Меркурий Кесарийский и Артемий Антиохийский.
Фреска. Афон, Протат. Мануил Панселин, 1290–1310.
Источник: https://chajhanschik.livejournal.com/379645.html

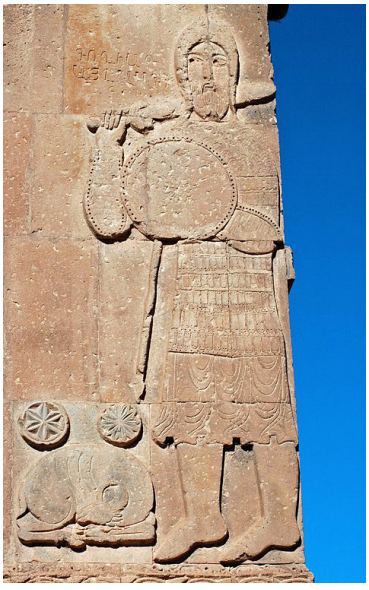
Ил. 8. Свв. Феодор Стратилат и Феодор Тирон. Фреска церкви Богоматери
Одигитрии в монастыре Печская Патриархия, Косово, Сербия. XIV в.
Источник: https://fotoload.ru/foto/196714/full/

Ил. 9 (слева). Христос-воин. Мозаика. Равенна, Архиепископская капелла. V–VI вв.
Источник: https://icons.pstgu.ru/monumental/sujet/943
Ил. 10 (справа). Христос с мечом в руках. Фреска XIV века в монастыре Высоки Дечани.
Сербия, Косово. Источник: https://elitsy.ru/photos/view/1008841/

Ил. 11. Давид (слева) и Голиаф (справа).
Барельеф церкви Сурб Хач на острове Ахтамар, Ван, 915–921.
Источник: https://armenia-am.livejournal.com/150235.html

Ил. 12 (слева). Св. Димитрий Солунский. Резьба по слоновой кости. X в.
The Metropolitan Museum of Art. Источник: https://uchitelj.livejournal.com/1118399.html
Ил. 13 (справа). Трофим Никомедийский. Фреска монастыря Высокие Дечаны,
Косово, Сербия. Ок. 1350 г. Источник: https://days.pravoslavie.ru/jpg/im4134.jpg

Ил. 14. Св. Феодор Тирон и Архангел Михаил. Монастырь Варлаама, Салоники. XVI в.
Источник: https://www.pinterest.com/pin/744571750867693815/

Ил. 15 (слева). Патриарший огненник и стрелец. Художник Фёдор Григорьевич Солнцев, XVII в. Альбом «Одежды Русского царства», 1869.
Источник: https://digitalcollections.nypl.org/search/index?keywords=1590616
Ил. 16 (справа). Свв. Георгий Диасорит и Феодор Стратилат на конях.
Монастырь св. Екатерины, Синай, ок. 1260-х гг.
Источник: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=5677

Ил. 17. Св. Георгий Победоносец. Росписи пещерного храма Св. Василия.
Каппадокия, IX–XI вв. Источник: https://u.to/gBRmHA

Ил. 18. Архистратиг Михаил, воевода небесных сил.
Икона. Поволжье, XVII в. Источник: https://u.to/LxNmHA

Ил. 19. Благословенно воинство Небесного Царя (Церковь воинствующая).
Икона. После 1552. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
Источник: http://www.rus-obr.ru/idea/4583

Символическое значение брони

Облачение в доспехи, как образ, символизировало подготовку к войне и к её превратностям (Иер 46:4). В то же время доспех – это воплощение праведности, которая защищает лучше любого боевого снаряжения. Так, царь Израиля Ахав, дабы оставаться неузнанным и избежать предсказанной в пророчестве гибели в бою, решил идти на битву переодетым, но хорошо защищённым бронёй; однако «один человек случайно натянул лук и ранил царя Израильского сквозь швы лат» (3 Цар 22:34). Стрела пробила поддоспешник, скорее всего, попав между нагрудником и латами. Суд Божий неотвратим и находит щели даже в лучшем оснащении и самом плотно подогнанном снаряжении самонадеянного ратоборца, поэтому как воинов-страстотерпцев, так и предводителей небесного воинства нередко изображали бездоспешными, а иногда и вовсе безоружными [Петров 2017, 11].

Классическим библейским образом поверженного в битве нечестивого воина, снаряжённого непробиваемым доспехом, служит пример Голиафа (ил. 11), одним своим видом и рычным голосом внушавшего ужас израильским воинам: «Ростом он – шести локтей и пяди. Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его – пять тысяч сиклей меди. Медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его» (1 Цар 17:4–6). Его визави, молодой пастушок Давид, явился на бой в своей повседневной одежде, с пастырским посохом в одной руке и ремнями пращи, намотанными на другую руку. Он предстал перед врагом без брони, хотя в стане израильтян ему был предложен лучший доспех, который у них был – доспех Саула, царя, оставившего войско и в ужасе бежавшего от врага. Но Давид не стал полагаться на крепость доспеха, он был непривычен к нему. Всё своё умение и силу он решил вложить в один бросок, поэтому и не стал полагаться на жёсткую и тяжёлую броню с чужого плеча. Вместо этого он положился на броню иного рода – в отличие от Саула, он верил в Божье избавление (ср.: 1 Цар 17:37), благодаря чему юноша без боевого снаряжения смог победить закованного в медный доспех грозного врага. Тем самым Давид продемонстрировал правоту главной библейской парадигмы – в слабости сила. Если верить в Божественную защиту, даже самый могучий и оснащённый враг будет повержен; тот же, кто находится под защитой Бога, несмотря на телесную слабость,– всегда неуязвим. Псалмопевец по этому поводу говорит, что Бог прекращает войны, сокрушает лук, преломляет копьё и сжигает колесницы огнём (Пс 45:10).

Таким образом, броня праведности в первую очередь семантически означает *защиту*, однако в некоторых случаях она сопрягается также с Божьей милостью. В рассказанном Лукой варианте притчи Иисуса говорится: когда на сильного нападёт сильнейший и одолеет его, «тогда возьмёт всё оружие его, на которое он надеялся, и разделит похищенное у него» (Лк 11:22). Самый яркий пример победы слабого над сильным, безоружного над оружными – Иисус: нагой, с терновым венцом вместо короны, уязвлённый римскими легионерами и истекающий кровью воин, с тяжёлым крестом на плече, ставший истинным Победителем над спесивыми и самонадеянными властями века сего.

Лишиться оружия и доспеха – значит лишиться Божией защиты. Ещё со времён Гомера доспехи поверженного воина символизировали позор побеждённого

и Славу победителя[4]. Давид забрал в свой шатёр оружие Голиафа, а меч его, как реликвия, был передан на хранение в святилище Номвы (1 Цар 21:9). Ниже читаем: «На другой день (после битвы. – *Е.М.*) Филистимляне пришли грабить убитых и нашли Саула и трёх сыновей его, павших на горе Гелвуйской. И отсекли ему голову, и сняли с него оружие и послали по всей земле Филистимской, чтобы возвестить о сём в капищах идолов своих и народу; и положили оружие его в капище Астарты, а тело его повесили на стене Беф-Сана» (1 Цар 31:10). Выставление напоказ тела Гектора в Илиаде или Саула в Ветхом Завете являлись свидетельством того, что Бог отринул героя и Слава покинула его, а демонстрация доспехов Саула как трофея в капище филистимских богов означала победу филистимлян над Богом Израиля.

Что же стало причиной поражения героев? В случае с Гектором – это жребий, судьба, которую не может изменить сам Зевс, искренне симпатизирующий Гектору и царю Приаму; в случае с Саулом – это неправедность героя, полагающегося на доспех, а не на правду Божию. Не зря пророк Исаия видит Бога воином, Который возлагает на Себя «правду, как броню» (Ис 59:17; ср.: Прем 5:18). В Новом Завете (Еф 6:14) броня становится метафорой непоколебимости веры и праведности, частью всеоружия Церкви. При этом явно имеется в виду стих Исаии: броня неколебимости и праведности исходит от Бога («всеоружие Божие»). Причём «облачение» церкви для борьбы «в день злой» относится ко всем временам, особенно ко времени прихода антихриста, которого Церковь должна встретить во всеоружии.

Символическое значение шлема

Говоря о христианских добродетелях – вере, надежде и любви, – Павел упоминает праведников, облёкшихся в броню и в шлем «надежды спасения» (1 Фес 5:8), или, как уже говорилось, просто в «шлем спасения» (Еф 6:17). Этот эмотивный образ, несомненно, позаимствован из Ветхого Завета (Ис 59:17), где вновь Бог выступает в образе Небесного Воителя, облачаясь для битвы, надевает «шлем спасения – на главу Свою».

Шлем также символизирует «нелицеприятный суд» Господа (Прем 5:18). Это значит, что Господь не заигрывает с сильными мира сего, не подстраивается под земные порядки, особенно если они идут вразрез с Божественными установлениями, не закрывает глаза на грехи людские, как это делают сластолюбивые и продажные священники. Можно с помощью серебра заставить молчать священнослужителей, но Господа подкупить нельзя. «Пётр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян 10:34). Таким образом, «шлем» символизирует правдолюбие, неподкупность, честность, верность долгу истинно верующего человека.

Символическое значение щита

В Ветхом Завете образ щита используется неоднократно и почти всегда как символ Божьей защиты от врагов. Давид восклицает: «Бог мой – скала моя; на Него

[4] О славе героя см.: Топоров 1992; Bailly 1943, 1–51; Дрезден 1977, 356–357; Маргарян 2001, 21–22.

я уповаю; щит мой, рог спасения моего» (2 Цар 22:3; Пс 17:3); «щит Он для всех, надеющихся на Него» (2 Цар 22:31; Пс 17:31). Псалмопевец, уповая на Господа, исповедует: «Ты, Господи, щит предо мною» (Пс 3:4); «Господь – крепость моя и щит мой; на Него уповало сердце моё, и Он помог мне» (Пс 27:7; ср.: Пс 7:11, Пс 90:4). Ещё трижды образ Господа как «помощи и щита», «покрова», символа упования Израиля, повторяется в разных псалмах (Пс 113:17–19, Пс 118, Пс 114). Сам Господь в Ветхом Завете называет себя *щитом* праведников. После победы над четырьмя царями, одержанной в коалиции с пятью союзниками, Аврам не взял полагающуюся ему долю от захваченной у врага добычи. Тогда Господь обратился к нему со словами: «Не бойся, Аврам; Я твой щит; награда твоя весьма велика» (Быт 15:1). В Пс 143:2 наряду с образом Небесного Воителя и щита используется также метафора ограждения и убежища: «Милость моя и ограждение моё, прибежище моё и Избавитель мой, щит мой, – и я на Него уповаю; Он подчиняет мне народ мой». В Притчах, как уже отмечалось, повсеместно присутствует военный образ Бога, Бога-Воителя, защищающего Израиль; Он – «щит уповающим на Него» (Притч 30:5). Моисей говорит: «Блажен ты, Израиль! кто подобен тебе, народ, хранимый Господом, Который есть щит, охраняющий тебя, и меч славы твоей?» (Втор 33:29).

Из сказанного явствует, что Бог есть единственный и подлинный щит, защищающий человеков среди жизненных невзгод. Тот же, кто пойдёт против Бога, как бы силён он ни был, не устоит против злополучий и напастей. Ярким примером тому стала трагическая гибель Саула в последнем бою у горы Гелвуй. В Писании сказано: «Повержен щит сильных, щит Саула, как бы <и> не был он помазан елеем» (2 Цар 1:21). Помазание щита елеем непосредственно перед боем было распространённой практикой в древнем мире (ср.: Ис 21:5). Елей придавал щиту яркий блеск, благодаря чему отражённые от меди лучи солнца слепили противника; опытные воины, перед тем как атаковать врага, направляли ему в глаза «солнечный зайчик». Кроме того, скользящие удары, благодаря елею, шли по касательной, не нанося щиту и щитоносцу ощутимого урона. Но в данном случае мы имеем пример метонимии, когда щит представляет самого царя, призванного быть защитником Израиля. Царь – избранник Божий, помазанный елеем, но Саул задолго до последней битвы вступил в конфликт с Самуилом и лишился поддержки еврейского священства. Он перестал восприниматься как помазанник Израиля. Судьба Саула и его сторонников был предрешена. «Погубил ты себя, Израиль, ибо только во Мне опора твоя. Где царь твой теперь? Пусть он спасает тебя во всех городах твоих! Где судьи твои, о которых говорил ты: “дай нам царя и начальников”? И Я дал тебе царя во гневе Моём и отнял в негодовании Моём» (Ос 13:9–11). Дабы избежать повторения злой участи для Израиля, псалмопевец просит Бога: «Посмотри на щит наш и окажи милость помазаннику Твоему» (Пс 83:10), имея в виду царя Израиля. Этот смысл ещё более очевиден в Пс 88:19: «От Господа – щит наш, и от Святого Израилева – царь наш».

В Новом Завете образ щита встречается также часто. Пожалуй, самый известный из них цитировался выше: «А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскалённые стрелы лукавого» (Еф 6:16). Здесь переплетены несколько коннотаций – ветхозаветная, где Бог явлен в образе «непобедимого щита» (Прем 5:19), эллинистическая и новозаветная. Традиция Нового Завета рисует новые образы: христолюбивые члены церковной общины, подобно вои-

нам, должны готовиться к битве, прикрывая своё тело большим щитом из меди или бычьей кожи, обороняться Крестом, дабы с его помощью гасить стрелы сатаны (ил. 12, 13).

Символическое значение пояса

К военной символике в Священном писании относится пояс истины. Пояс в древности имел важное как оборонительное, так и символическое значение. Широкая опояска из бычьей кожи и железная пряжка в виде бубона во время боя защищали самую уязвимую часть бойца – живот. Иногда, за неимением доспеха, простые ратники подпоясывались двумя широкими ремнями, которые, кстати, в отличие от лат, не сковывали движения. На поясе висело оружие воина, а за поясом были спрятаны кинжал и кошель с наличными и различными мелочами, необходимыми в походе. Перевязь с ножнами для меча в основном висела через правое плечо, а колчан – через левое. Не подпоясавшись, воин не выходил из шатра. Не случайно почти во всех языках идиомы «распоясаться» или «ослабить пояс» по смыслу соответствует понятиям «расслабиться», «дать себе волю». Такое было возможно только в гражданской жизни, в кругу родных и близких.

Но пояс имел и символическое значение. В армянском языке «զոտեպնդել» – «подпоясаться», «сделать крепким стан» – имеет также значение «приободриться», «обрести уверенность в себе», «укрепиться в намерениях». В Библии «Помазанник» Божий Кир должен был «покорить народы» и «снять поясы с чресл царей» (Ис 45:1). А в 3 Цар 20:11 царь Ахав ответил самоуверенному сирийскому владыке: «Пусть не хвалится подпоясывающийся, как распоясывающийся», что соответствует латинской пословице: «ne triumpum canas ante victoriam».

Символическое значение обуви

Туго зашнурованная кожаными ремешками высокая обувь воина-исповедника (сапоги-кампаги) или перетянутые тесьмой поверх портов[5] обмотки (онучи, гамаши) символизируют боеготовность, внутреннюю мобилизованность, решимость преодолеть трудности и испытания, стремление благовествовать миру, нести слово Божье в отдалённые края ойкумены, «обувши ноги в готовность благовествовать мир» (Еф 6:15). Именно эти евангельские символы и легли в основу иконографии воина-мученика, страстотерпца, распространителя и ревнителя веры Христовой.

Парные и групповые изображения вооружённых слуг Господних

В византийской иконографии и возникших на её основе различных иконописных школах воины-исповедники нередко изображаются парами (Сергий и Вакх, Меркурий и Артемий Антиохийский, Феодор Стратилат и Феодор Тирон), подобно тому, как принято было изображать на иконах архангелов Михаила и Гавриила. Иконографический образ воинов-исповедников, вероятно, сильно повлиял на иконографический образ архистратига Михаила. Единственное и главное отличие в облике воинов-христиан и облике архангела – это отсутствие у послед-

[5] В позднеримский и особенно в византийский периоды беспортовые воины были большой редкостью.

него воинской бороды [Маргарян 2019] и наличие крыльев за спиной; в остальном сходство иногда абсолютное. Архистратиг Небесного воинства изображается в ратных одеждах, в хитоне и плаще с тавлионом – ромбовидной нашивкой, отличавшей царский эскорт, преторианцев, от простых бранников (ил. 14). Оно и понятно, ведь архангелы Михаил и Гавриил – эскорт самого Бога. Неслучайно на иконах Михаил изображается одесную Христа, а Гавриил – по левую сторону.

Святые воины, как и воинство небесное, возглавляемое Архистратигом Михаилом,– это небесный аналог царских рынд и патриарших огненников, сопровождавших царя и патриарха (ил. 15).

Воины-исповедники изображались как пешими, так и конными (ил. 16). Изображения были одиночными, парными и групповыми. Наиболее часто встречаемыми мастями боевых коней в византийской иконописной традиции были белая и красная (рыжая) [Лосский, Успенский 2014, 211].

Боевой конь как иконографический символ

Некоторые христолюбивые воины изображены верхом на конях, с длинной пикой в руке, пронзающей *сатану* или *змия*. Иконописные кони под исповедниками почти всегда белые [ср.: Войкова 2018]. Белая масть в походной жизни непрактична, она всегда была парадной. На белом коне восседали цари и императоры, их эскорт и сопровождающая царственную персону вельможная знать. Белый конь, особенно четвёрка запряжённых в колесницу лошадей были и остаются символом предопределённой победы, на такой квадриге въезжали в Рим триумфаторы. Однако во время боя или во время ночных переходов белый конь привлекает внимание, в него легко попасть стрелой или камнем из пращи, как в белое пятно на тёмном фоне мишени. Также и с вороной мастью, которая хоть и не столь заметна, тем не менее по практичности уступает остальным. Оптимальная масть для боевого коня – буланая, гнедая с подпалинами или сивая. Но святому воину, презревшему смерть, негоже таиться. Он знатный ратоборец (комин, принц, князь), за спиной у него развевается багряный плащ, на груди сверкают доспехи, а на щите символ христианской веры, и он *один в поле воин*. Он сражается с тёмными силами, его помыслы чисты, как слеза младенца, и потому конь должен быть девственно белым, как крылья ангела (ил. 17). Так же представляли своих святых воинов армяне. Св. Вардан и св. Саргис (Сергиос) изображаются исключительно на белых конях [см., напр., Маргарян 2022, 49].

Образ небесного всадника-триумфатора описан и в Священном Писании: «И увидел я отверстое небо, и вот, конь белый, и сидящий на нём называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует» (Откр 19:11).

Конь в Библии – воплощение статности, красоты и грациозности, совершенного творения Божьего. Вместе тем, конь – самый надёжный друг и соратник воина-христианина. В Священном Писании так описывается это боевое животное: «Ты ли дал коню силу и облёк шею его гривою? Можешь ли ты испугать его, как саранчу? Храпение ноздрей его – ужас; роет ногою землю и восхищается силою; идёт навстречу оружию; он смеётся над опасностью и не робеет и не отворачивается от меча; колчан звучит над ним, сверкает копьё и дротик!» (Иов 39:19 25). Потому образ святого на коне – символ особого достоинства, близости к Богу [Губарева, Турцова 2013, 33].

Масть коня, как отмечалось, имеет исключительно важное символическое значение. Так, эсхатологическая иконография архистратига, предводителя воинства небесного, архангела Михаила представляет его скачущим на коне над пылающей землёй, с пламенной трубой у губ, а конь его копытами попирает диавола. В византийской апокрифической литературе образ коня расшифровывается в «Беседе трёх святителей» (славянский перевод XI в.), где Иоанн Златоуст говорит, что «конь – это правая вера христианская, <...> а змей Антихрист» [Медведев 1990, 17]. По сути, на иконах конь предстаёт не как земная тварь, а как часть горнего мира, несущего на себе не простого всадника, а высшее создание, стоящее одесную Богу. Поэтому боевой конь на этих иконах изображён червлёным, и у него, как и у самого Михаила, пламенно-красные крылья, чтобы лететь по небу и возвещать о Втором пришествии. На некоторых иконах сам архистратиг поражает недруга пикой или огненным мечом. Шлем при этом может отсутствовать. Иногда его заменяет корона (знак власти), которая у других ангелов не встречается. На левой руке у Архистратига иногда изображён щит с христианскими символами – греческая монограмма имени Христа, звезда Давида, к роду которого принадлежит Господь Иисус, крест и др.

С VII века известны изображения архангела Михаила в лоратных одеяниях (в далматике и лоре), в расшитых золотом и камнями сапожках, с лабарумом в руке. Одежды архангела имеют символическое значение. Клавы и тавлионы подчёркивают значительность чина, занимаемого Архангелом в Небесной иерархии[6]. Свободно развевающиеся концы головной повязки-тороки (слухи) свидетельствуют о его предназначении – слышать волю Божию. В целом тип изображения, где ангелы, облачённые в одежды придворных византийского императорского двора, предстают как стражи Царя Небесного, получает широкое распространение в послеиконоборческую эпоху. В западной традиции Михаил архангел изображается в воинских доспехах, тип которых зависит от культурных особенностей времени и места. Апокалиптический образ архангела Михаила довершает Книга времён в его руке, в другой – крест или трезубец, которым он пронзает властелина преисподней, распластанного под копытами коня (ил. 18).

Кони являются также в видениях пророков и святых, и тоже разных мастей. Пророку Захарии было ночное видение: «В двадцать четвёртый день одиннадцатого месяца,– это месяц Шеват,– во второй год Дария, было слово Господне к Захарии, сыну Варахиину, сыну Аддову, пророку: видел я ночью: вот, муж на рыжем коне стоит между миртами, которые в углублении, а позади него кони рыжие, пегие и белые,– и сказал я: кто они, господин мой? И сказал мне

[6] Ещё один атрибут католических изображений архангела Михаила – весы; это знак того, что на Страшном Суде он будет взвешивать дурные и благие поступки каждого человека. Поэтому в одной из чаш весов иногда изображают уродливого демона (грех), а в другой – молящуюся фигурку. Также на Западе распространены изображения архангела Михаила с книгой – отсылка к строкам Писания о книге за семью печатями, которая будет вскрыта при конце света. В православной традиции в руках у архангела Михаила, как и у других ангелов, часто изображают так называемое зерцало – прозрачную сферу, содержащую в себе буквы имени Иисуса Христа или Его изображение; зерцало символизирует то, что ангел – это дух, а не антропоморфное существо, и служит Христу. Иногда зерцало выглядит как царский атрибут – держава (золотой шар, увенчанный крестом).

Ангел, говоривший со мною: я покажу тебе, кто они. И отвечал муж, который стоял между миртами, и сказал: это те, которых Господь послал обойти землю» (Зах 1:7 10). В своём видении эсхатологического суда апостол Иоанн узрел четырёх всадников на разномастных конях (Откр 6:1–8). Белый конь символизировал начало победоносной войны; рыжий конь – кровопролитие; вороной конь – голод; бледный конь – смерть. В одном из следующих видений Господь Иисус Христос и Его воинства небесные появляются с неба на белых конях, чтобы уничтожить Божьих врагов (Откр 19:11–14).

Характерно, что в конце времён, когда чаша грехов переполнена, сам Христос предстаёт в образе Небесного Воителя (Откр 19). Здесь Иисус является на боевом коне и с острым мечом. Он «облечён в одежду, обагрённую кровию» (Откр 19:13); за ним следуют воинства небесные [David 2017]. Затем Он начинает победоносное сражение со «зверем и царями земными и воинствами их» (Откр 19:19). Книга Откровение состоит также из ряда образов, аналогичных местам во Второзаконии, Псалтири и Книге Исаии, где Господь Бог изображается Небесным Воителем. Пророк Наум рисует картину грозного вооружения воинства Господнего, идущего на Ниневию: «Щит героев его красен, воины его в одеждах багряных, огнём сверкают колесницы в день приготовления к бою, и лес копьев волнуется» (Наум 2:3). Это шествие воспроизведено на известной иконе «Благословенно воинство Небесного Царя»[7] (ил. 19).

Заключение

В византийской иконографии помимо традиционных библейских сюжетов и персонажей особое место занимает образ воина-исповедника, концептуально отличающийся от ликов преподобных и других великомучеников периода гонений. Свою миссионерскую деятельность воины-исповедники осуществляли среди солдат в местах дислокации на приграничье Римского мира – там, где базировались имперские вооружённые формирования, призванные обеспечивать безопасность Римского мира от внешней угрозы. На востоке империи значительная часть воинского контингента, в том числе офицерский состав, была набрана из представителей местной знати и простых рекрутов. В основном это были выходцы из Западной Армении, а также к тому времени уже значительно арменизированных Понта, Каппадокии и Коммагены. Формирование образа воина-исповедника, сражающегося за веру, в византийской иконографии происходило поэтапно. Начавшись в эпоху раннего, довизантийского христианства, этот процесс завершился в эпоху Комнинов.

Большая часть святых воинов удостоилась венца мученика и была причислена к лику святых уже на ранних этапах распространения христианства в армейской среде. Это были незаурядные личности, многие из которых пошли в армию не ради воинской славы, а для того, чтобы иметь возможность находиться в солдатской массе и привлекать адептов на сторону новой религии. Для нарождающейся молодой религии поддержка армии имела экзистенциальное значение. Однако, чтобы пользоваться уважением и доверием солдат, проповедникам было необходимо оставаться смелыми, честными и жертвенными. Слово офицера, дис-

[7] Подробно об иконе см.: Квливидзе 2005, 324–325.

танцирующегося от своих солдат, избегающего трудностей ратной жизни, прячущегося за спины подчинённых, не могло быть услышано.

После утверждения христианства в качестве государственной религии в Риме, Армении, Сирии и ряде других стран Передней Азии, гонения на христиан в армии почти прекратились. По мере христианизации правящих кругов преобладающие среди основной массы христиан пацифистские настроения стали постепенно уступать место новым тенденциям. Христианские теологи ввели в оборот такое понятие, как bellum iustum (справедливая война, праведная война), а с V века начинаются войны за веру (к примеру, Война Варданидов в Армении, 450–451 гг.) [Саргсян 2021]. Войны с язычниками воспринимались как подготовка к грядущим битвам на исходе времён. Христианство прониклось милитаристским духом. Воинам-исповедникам стали приписывать деяния, больше напоминающие архетипические подвиги эпических героев (борьба со Змеем и другими чудовищами, освобождение девы, царевны), нежели подвиги святых из монахов.

Репликация собирательного образа мифического героя, как своего рода анамнесис, несомненно, оставила отпечаток на иконописном образе святых воинов на фресках, иконах и барельефах, где они изображены в полный рост, молодыми, статными, крепкими, розовощёкими, с благообразными чертами лица, заботливо уложенными волосами и подстриженными бородками; торс некоторых ратников защищён «мускульной» кирасой, делающей доспех прочным и одновременно устрашающим для врага. Эти нетипичные для других святых атрибуты и телесные качества воинов-исповедников отличают их от образов анахоретов, стилитов, монахов-отшельников, имеющих измождённый вид, седые неухоженные длинные бороды и волосы, прикрывающие наготу, или облачённых в рубище и власяницы.

И всё же, несмотря на подчёркнуто телесный образ воинов-христиан, напоминающих скульптурные изображения римских военачальников и императоров, византийские иконы изображают героев, подвизающихся прежде всего на ниве брани духовной. При этом детали одежды и воинского облачения имеют символическое значение и требуют герменевтического толкования, хотя реалистичность изображения живого объекта, с точки зрения иконографического канона, тоже важна. По сути, телесные качества, одежда и обувь, доспехи и оружие в византийской иконографии редуцируются к символу и если не утрачивают признаков утилитарности, то по крайней мере девальвируют их до уровня, необходимого для узнавания предмета или его свойства.

Иконописный образ святого-воителя явно оказал влияние на каноническое изображение небесного воинства, где бок о бок сражаются святые ратоборцы и «воинство высоты» [David 2017]. Парные и групповые изображения архистратига Михаила и других ангелов вместе с воинами-исповедниками свидетельствуют о высоком статусе святых ратников в сакральной иерархии Византии периода её расцвета.

Библиография

Войкова 2018 – *Войкова В. В.* Символическое значение лошади в древнерусской иконописи. Москва, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zelomi.ru/journalloshad (дата обращения: 01.12.2021).

Губарева, Турцова 2013 – *Губарева О. В., Турцова Н. М.* Великомученик Георгий Победоносец. Санкт-Петербург, 2013.

Джурич 2000 – *Джурич В.* Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония / Пер. с серб. Москва, 2000.

Дрезден 1977 – *Дрезден М.* Мифология древнего Ирана / Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Мифология древнего мира. Москва, 1977. С. 337–365.

Квливидзе 2005 – *Квливидзе Н. В.* Благословенно воинство Небесного Царя // Православная энциклопедия. Том 5. Москва, 2005. С. 324–325.

Крутова 2007 – *Крутова М. С.* Метафоры и символы в названиях рукописных книг XIV–XIX вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 54–56.

Лазарь 1666 – *Лазарь (Баранович), архиеп.* Меч духовный, еже естъ глагол Божий на помощь Церкви воюющей, из уст Христовых поданый, или Книга проповедей слова Божьего. Киев, 1666 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archeos.org.ua/?p=5354 (дата обращения: 02.07.2022).

Лопухин 2010 – *Лопухин А. П.* Толкования Священного Писания. Оптина Пустынь, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bible.optina.ru/new: ef:06:14 (дата обращения: 01.08.2022).

Лосский, Успенский 2014 – *Лосский В. Н., Успенский Л. А.* Смысл икон / Пер. с фр. Москва, 2014.

Маргарян 2001 – *Маргарян Е. Г.* Очерки истории духовной культуры древней Армении. Ереван, 2001. На армянском языке.

Маргарян 2022 – *Маргарян Е. Г.* Христианские святые в броне и с парамерием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (1). Приевфратская пограничная зона и христианство // Визуальная теология. 2022. Т. 4. № 1. С. 39–57.

Медведев 1990 – Сказания о чудесах. Русская фантастика XI–XVI вв. Антология / Сост. Ю. Медведев. Москва, 1990.

Петров 2017 – *Петров А. В.* Воинский доспех в православной иконографии и богослужебном обиходе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2017. Вып. 27. С. 9–17.

Райкен и др. 2005 – Словарь библейских образов / Ред. Л. Райкен, Д. Уилхойт, Т. Лонгман. Пер. с англ. Б. А. Скороходова. Санкт-Петербург, 2005.

Саргсян 2021 – *Саргсян М., архим.* Теория Справедливой войны. Св. Эчмиадзин, 2021. На армянском языке.

Топоров 1992 – *Топоров В. Н.* Фарн // Мифы народов мира. Том 2. Москва, 1992. С. 557–558.

Bailly 1943 – Bailly H. W. Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books. Oxford, 1943.

Comfort, Elwell 2014 – Comfort Ph., Elwell W. A. The Complete Book of Who's Who in the Bible. London, 2014.

David 2017 – David. That Which is Caesar's: The "Church Militant" Icon. *Icons and their Interpretation. Information for the Objective Student of Russian, Greek, and Balkan Icons*. 16.05.2017. URL: https://russianicons.wordpress.com/tag/blessed-is-the-army-of-the-heavenly-king-icon/ (accessed: 16.08.2022).

Smith 1890 – Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. Part 1. London, 1890.

References

Bailly 1943 – Bailly H. W. Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books. Oxford, 1943.

Comfort, Elwell 2014 – Comfort Ph., Elwell W. A. The Complete Book of Who's Who in the Bible. London, 2014.

David 2017 – David. That Which is Caesar's: The "Church Militant" Icon. *Icons and their Interpretation. Information for the Objective Student of Russian, Greek, and Balkan Icons*. 16.05.2017. URL: https://russianicons.wordpress.com/tag/blessed-is-the-army-of-the-heavenly-king-icon/ (accessed: 16.08.2022).

Dzhurich 2000 – Dzhurich V. Byzantine Frescoes. Medieval Serbia, Dalmatia, Slavic Macedonia. Transl. into Russian. Moscow, 2000.

Dresden 1977 – Dresden M. The Mythology of Ancient Iran. Transl. into Russian by M. I. Steblin-Kamensky. *Mythology of the Ancient World*. Moscow, 1977. Pp. 337–365.

Gubareva, Turtsova 2013 – Gubareva O. V., Turtsova N. M. Great Martyr George the Victorious. St. Petersburg, 2013. In Russian.

Krutova 2007 – Krutova M. S. Metaphors and Symbols in the Titles of Handwritten Books of the 14th – 19th Centuries. 2007. 3 (29). Pp. 54–56. In Russian.

Kvlividze 2005 – Kvlividze N. V. Blessed is the Army of the Heavenly King. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 5. Moscow, 2005. Pp. 324–325. In Russian.

Lazarus 1666 – Lazarus, Archbishop. The Spiritual Sword, which is the Word of God to Help the Church at War, is Given from the Mouth of Christ. Kiev, 1666. URL: http://archeos.org.ua/?p=5354 (accessed: 02.07.2022). In Russian.

Lopukhin 2010 – Lopukhin A. P. Interpretations of the Holy Scriptures. Optina Pustyn, 2010. URL: http://bible.optina.ru/new: ef:06:14 (accessed: 01.08.2022). In Russian.

Lossky, Uspensky 2014 – Lossky V. N., Uspensky L. A. The Meaning of Icons. Transl. into Russian. Moscow, 2014.

Margaryan 2001 – Margaryan Ye. Essays on the History of the Spiritual Culture of Ancient Armenia. Yerevan, 2001. In Armenian.

Margaryan 2022 – Margaryan Ye. Christian Saints in Armor and with a Naked Paramerium: The Image of a Warrior Confessor in Byzantine Iconography (1). Euphrates Border Zone and Christianity. *Journal of Visual Theology*. 2022. Vol. 4.1. Pp. 39–57. In Russian.

Medvedev 1990 – Tales of Miracles: Russian Fiction of the 11th – 16th Centuries. Anthology. Compiled by Yu. Medvedev. Moscow, 1990. In Russian.

Petrov 2017 – Petrov A. V. Military Armor in Orthodox Iconography and Liturgical Usage. *St. Tikhon's University Review. Series V: Problems of History and Theory of Christian Art*. 2017. Vol. 27. Pp. 9–17. In Russian.

Ryken et al. 2005 – Dictionary of Biblical Imagery. Ed. by L. Ryken, D. Wilhoit, T. Longman. Transl. into Russian by B. A. Skorokhodov. St. Petersburg, 2005.

Sargsyan 2021 – Sargsyan M., Archimandrite. The Fair War Theory. St. Echmiadzin, 2021. In Armenian.

Smith 1890 – Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. Pt. 1. London, 1890.

Toporov 1992 – Toporov V. N. Pharn. *Myths of the Peoples of the World*. Moscow, 1992. Vol. 2. Pp. 557–558. In Russian.

Voikova 2018 – Voikova V. V. The Symbolic Meaning of the Horse in Old Russian Iconography. Moscow, 2018. URL: https://zelomi.ru/journalloshad/ (accessed: 01.12.2021). In Russian.

Информация об авторе

Ерванд Грантович Маргарян

доктор исторических наук, профессор

зав. кафедрой всемирной истории и зарубежного регионоведения

Российско-Армянский университет

Армения, 0051, Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
ведущий научный сотрудник
Институт истории Национальной академии наук Республики Армения
Армения, 0019, Ереван, пр-т Маршала Баграмяна, 24
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7396-2399
e-mail: ervand.margaryan@rau.am

Information about the author
Yervand G. Margaryan
Dr. Sci. (Historical Sciences), Professor
Head of Department of World History and Foreign Regional Studies
Russian-Armenian University
123, Hovsepa Emina ul., Yerevan, 0051, Armenia
Leading Researcher of Institute of History
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
24, Marshala Baghramyana pr-t, Yerevan, 0019, Armenia
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7396-2399
e-mail: ervand.margaryan@rau.am

Материал поступил в редакцию / Received 26.08.2022
Принят к публикации / Accepted 04.10.2022